

УДК 372.894

ББК 4426.632

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

А.В. Трофимов

Екатеринбург

**ПАТРИОТИЗМ УРАЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В
СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫЗ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: уральское население, патриотические модели поведения, Великая Отечественная война.

АННОТАЦИЯ: В статье рассмотрен ряд аспектов патриотического поведения уральского населения в годы Великой Отечественной войны. Обращено внимание на проблемы взаимодействия местных властей и населения с эвакуированными гражданами, отношения к военным займам, снабжения продовольственными и промышленными товарами.

A.V.Trofimov

Yekaterinburg

**THE PATRIOTISM OF THE URAL POPULATION IN THE
SOCIAL SPACE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

KEY WORDS: Ural population, Patriotic behaviors, the Great Patriotic war.

ABSTRACT: The article considers some aspects of the Patriotic conduct of the Ural population in the Great Patriotic War. Attention was drawn to problems of interaction between local authorities and the population evacuated citizens, military loans, supply of food and industrial goods.

Стремление к поиску консенсусных оснований для консолидации современного российского социума вновь актуализирует обращение к патриотическим моделям поведения советских граждан в годы Великой Отечественной войны. Обратимся к некоторым аспектам целеполаганий, мотиваций, отношений, составляющих разноплановое

ЗРабота выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-11-66006)

и многоуровневое социальное пространство войны, позволяющих осознать, насколько нелегко было выполнять жителям тылового Урала функцию «опорного края державы», вынести, буквально на себе, все тяготы военного времени, реализовав в социальных практиках лозунг «Все для фронта, все для победы!».

Огромная работа в начальный период Великой Отечественной войны проводилась на Урале по налаживанию производства на эвакуированных предприятиях, учету эвакуированных граждан, их размещению, трудоустройству. Местные органы власти стремились создать приемлемые условия для оказавшихся в экстремальной ситуации людей, что было весьма непросто, учитывая дефицит ресурсов и времени. Преобладание мобилизационных моделей в практике управления находило конкретное выражение в том, что повседневная жизнь эвакуированных нормировалась, ограничивалась свобода их передвижения, определялось место работы и т.п. Вместе с тем, появление больших масс эвакуированного населения, требовало не только от органов власти, но и от жителей Урала воспринять кризисные модели поведения и фактически согласиться с ухудшением, и так довольно скромных (а порой просто скудных) условий жизни и быта. Демпфирование этих изменений, в значительной степени, было связано с недавним социальным опытом населения Урала 1920-1930-х годов, не утраченными крестьянскими навыками, а также использованием властями опыта реализации мобилизационных стратегий и регулирования миграционных процессов в предвоенные годы. Тем не менее, возникали конфликтные ситуации на бытовом уровне между местным населением и эвакуированными, но заметим, что местные власти стремились решительно пресекать проявления неприязненного отношения к переселенцам со стороны местных жителей.

Например, в письме заместителя председателя Молотовского облисполкома Г.Н. Белецкого председателем горрайисполкомов области «Об отношении местного населения к эвакуированным» от 21 августа 1941 г. подчеркивалось, что в подавляющем большинстве районов области приняты все меры к тому, чтобы эвакуированное население было обеспечено необходимыми жилищно-бытовыми условиями и работой. Отмечалось, что «эвакуированное население и лица, сопровождающие эшелоны, отмечают радушный прием, оказываемый им на местах. Однако в некоторых районах имеют место

совершенно нетерпимые случаи, когда местные «обыватели» в отведенных квартирах разбирают и выводят из строя печи (поселок Пожва, Чермозский р-н), по невероятно высоким ценам продают им продукты питания (Юго-Камск, Оханский р-н), не дают возможность пользоваться кухней, посудой, требуют непомерно высокую плату за жилплощадь, требуют с них большое количество дров, допускают в отношении их всякие грубости (Александровск, Кизеловский р-н)»(4.С. 33-34). Местным властям предписывалось тщательно проверять эти факты и привлекать тех, кто допускает подобное отношение к уголовной ответственности.

Выполняя решение Государственного Комитета Обороны Молотовский облисполком в сентябре 1941 г. запретил прописку в г. Молотове беженцев и эвакуированных из прифронтовой полосы, прибывающих неорганизованным порядком. Предписывалось «всех прибывших в порядке эвакуации и из прифронтовой полосы трудоспособных граждан, не устроившихся в течение двух недель на работу, направлять для использования на работе в обязательном порядке на предприятиях промышленности, транспорта и сельского хозяйства, нуждающихся в рабочей силе, в пределах области. Граждан, эвакуированных в г. Молотов и отказавшихся от работы, выселять из города» (4. С. 40-41). В ноябре 1941 г. Молотовский облисполком обязал «принять решительные меры к быстрейшему продвижению эшелонов с эвакуированными, обеспечив на деле скорость продвижения поездов с людьми не менее 500-600 км в сутки. [...] Обеспечить бесперебойное снабжение эвакуированных хлебом на станциях Пермь II, Верещагино и Кунгур из расчета 800 грамм на человека, отпуская из этого количества детям 400 грамм белого хлеба» (4. С. 63, 65). Комплекс мер, принимаемых властями, сочетался с существовавшими тогда в социуме моделями поведения, которые базировались на необходимости соблюдения справедливости, душевной щедрости, сострадания к чужой беде, готовности помочь людям, оказавшимся в тяжелых условиях. В годы войны разнообразный этно-социальный состав населения Урала спланивали ценностные основания общей судьбы и необходимости объединения усилий для обеспечения Победы.

Обратим внимание еще на один аспект, касающийся жизни эвакуированных граждан. В 1943 г. по решению СНК СССР начался прием заявлений от людей, лишившихся имущества в результате

эвакуации с оккупированных территорий, для дальнейшей компенсации. Обратимся к двум заявлениям, составленным эвакуированными с Украины в г. Свердловск и работавшими в Уральском научно-исследовательском институте черных металлов директором Н.Ф. Исаенко и старшим инженером К.М. Мокриевичем. В перечень важнейшего имущества, оставленного при эвакуации из г. Днепропетровска, Н.Ф. Исаенко включил 48 позиций: от никелированных кроватей и мягкого дивана до фетровой шляпы и накидок на подушки, на общую сумму 296975 рублей (3. Л. 340, 341). В описи, составленной К.М. Мокриевичем, указывалось, что он «выехал по эвакуации (из Мариуполя), захватив с собой лишь необходимое платье и белье, оставив все имущество, приобретенное мной, в квартире». В опись вошло 14 позиций, включая техническую библиотеку по металлургии, на общую сумму 27150 рублей (3. Л. 339).

Война резко обострила проблемы продовольственного обеспечения населения. Нормированное распределение продуктов питания, осуществляемое через государственную торговлю (карточная система) не могла обеспечить полноценного питания всех социальных групп, да и сами карточки не всегда полностью отоваривались. В этих условиях изменилась ситуация и на колхозных рынках. В обзоре колхозной базарной торговли по городам области за ноябрь 1941 г., подготовленном Свердловским статистическим управлением, отмечалось резкое сокращение реализации продукции, рост цен, так «повышение цен на говядину имело место в г. Свердловске с 25 р. до 30 р., Невьянске с 28 р. до 40 р. за кг, цена на молоко в г. Свердловске поднялась с 6 до 10 р. за литр, в Реже с 3-50 до 5-00 за литр». Предлагалось помимо увеличения привоза продуктов на рынки «провести решительную борьбу с торговлей на дому, вне рынков и с товарообменом привлекая к строгой ответственности виновных, тем более, что товарообмен в ноябре месяце принял широкий размах. Причем наиболее ходовым обменным товаром служит печеный хлеб – поскольку основными продавцами картофеля и молока являются жители города и пригорода. Городская инспектура г. Свердловска сообщает, что ими замечены следующие условия «товарообмена»: один литр молока – 2 буханки ржаного хлеба и доплата деньгами. Один кг картофеля – 1 кг хлеба, 1 литр молока – 0,5 кг мыла. Есть случаи, что картофель меняют на керосин» (5. С. 49, 51, 55). К 1943 г. цены на рынке выросли по сравнению с довоенными в 13 раз (8. С.

190; 9. С. 527-532). На уральских рынках, при среднемесячной зарплате квалифицированного рабочего оборонного предприятия в 573 рубля, 1 кг масла в среднем стоил 793 рубля, 1 кг говядины – 314 рублей, булка пшеничного хлеба (0,7 кг) – 400 рублей, десяток яиц – 198 рублей, 1 литр молока – 87 рублей, 1 кг картофеля – 45 рублей, 1 кг капусты – 43 рубля (7. С. 97). В ситуации депривации происходило расширение пространства действия моделей выживания, в частности, уральское население стремилось использовать источники децентрализованного снабжения продуктами, развивая подсобное хозяйство и индивидуальное огородничество.

В документах зафиксировано сложное положение с обеспечением продовольствием, вскрываются существенные недостатки в организации и качестве общественного питания на промышленных предприятиях. Так, Трубникова с Ново-Тагильского металлургического завода в октябре 1941 г. пишет: «С каждым днем питание в столовых ухудшается. Если в сентябре были в столовых обеды из двух блюд, то в октябре в столовых можно пообедать только из одного блюда. Жиров совершенно никаких – суп лапша [...]. В отношении питания настроение у рабочих неважное. По адресу руководителей питания можно услышать нехорошие отзывы» (5. С. 46-47). Вместе с тем, как вспоминал Я.Е. Гольдштейн, работавший в годы войны на легендарном «Танкограде» (Челябинск), «на заводе вопрос с питанием решался строго дифференцировано. «Пирамида» выглядела следующим образом. Верхушка завода питалась в любое время суток в небольшом залеце около приемной директора. Водка, коньяк здесь не исчезали. На закуску бывали красная рыба, икра, иные деликатесы. Главные специалисты и начальники ведущих цехов пользовались столовой «литера А» [...]. Тут было скромнее, но достаточно сытно и разнообразно. Заместители начальников цехов, начальники цеховых технобюро и лабораторий [...] были прикреплены к столовой «литера Б» [...]. Рядовые технологи, исследователи пользовались цеховыми столовыми и периодически в виде поощрения получали талоны УДП (усиленное дополнительное питание)» (1. С. 134). Наличие иерархии в снабжении и распределении вступало в противоречие с уравнительными представлениями, характерными для значительной части рабочих и служащих. В данном контексте, обратим внимание на то, что в годы войны рабочие не боялись (как это представлено в ряде современных публикаций и фильмов о войне)

«тоталитарного режима власти», а напротив, писали письма в центральные органы об «оргиях» начальства, «банкетах», «пирушках, где «разбазаривались» продукты: «на фронте рекой льется кровь, а здесь водка», «кто воюет, а кто пирует» (6. С. 103).

О том, каких изделий и товаров промышленного назначения лишилось население в годы войны свидетельствует решение комиссариата Государственного контроля СССР от 20 января 1943 г., направленное председателю исполкома Свердловского областного Совета депутатов трудящихся В.И. Недосекину. В нем, в частности, отмечалось, что «в Свердловской области, за время войны резко сократился выпуск ряда важнейших товаров ширпотреба. По промкооперации выпуск замочных изделий, по сравнению с довоенным периодом, уменьшился в 10 раз, ножей складных в 11 раз, ведер в 3,5 раза, утюгов в 10 раз, подков в 11 раз, обуви из отходов в 3 раза, игрушек в 5 раз [...]. Ряд товаров широкого потребления или совершенно выпал из производства или вырабатывается в крайне незначительных количествах. К таким товарам относятся: кровати, электроплитки, горелки примусные, сумки и портфели ученические, столовые ножи, вилки, лампы керосиновые и горелки к ним, зубные щетки, хозяйственные щетки, сундуки, плетеные корзины, корыта деревянные, металлическая посуда, мебель, чемоданы, баулы, деревянные ложки, санки детские, топоры, кроватьная сетка, скребницы, замазка оконная, мелкие скобы, примусные иголки [...]. До войны промкооперация Свердловской области выпускала до 300 тыс. пар лаптей в год, а в 1942 г. при резко возросшей потребности населения в лаптях, за 9 мес. выпустила лишь 13,8 тыс. пар [...]. Во всех организациях, производящих товары широкого потребления, имеется недостаток рабочей силы, а между тем серьезных мероприятий по вовлечению в производство инвалидов отечественной войны, женщин, эвакуированного населения не проведено» (2. Л. 83-88).

В феврале 1943 г. Управляющий Свердловской Облзаготживконторой обратился в Наркозем СССР с письмом, в котором описывал тяжелые условия работы специалистов и др. работников конторы. Он писал: «Штат не укомплектован. Специалисты к нам не идут, так как мы не в состоянии обеспечить их материальными и жилищно-бытовыми условиями. Дома, принадлежащие Заготживконторе, от нас изъяты Горсоветом.

Например, я с семьей 3 человека живу на кухне на площади 4 кв. метра, без света и эти невозможные условия довели меня до болезни. Наши работники конторы руководством Облзо и Облисполкомом недооцениваются, в связи с чем при первой возможности постараюсь от вас уйти» (2. Л. 154).

В условиях, когда каждый заработанный рубль был крайне необходим самим гражданам, власть, апеллируя к патриотическим чувствам граждан, потребовала отдавать часть своих доходов на военные займы. И здесь проявилась сложная амальгама, сочетающая проявления реального патриотизма с действиями партийно-государственной машины, включившей механизм получения займов в мобилизационную стратегию войны. Так, второй секретарь Сталинского райкома ВКП(б) г. Свердловска С.Г. Шамшурич сообщая в Свердловский обком партии, что в апреле 1942 г. работники Сталинского района г. Свердловска подписались в основном на сумму месячного заработка и выше, приводил конкретные данные: «[...] работница хлебомакаронного комбината тов. *Дорофеева* имеет средний заработок 180 рублей, а подписалась на 500 рублей, работница *Ларионова* подписалась на месячный оклад, 50% суммы подписки внесла наличными, а облигации передает в фонд обороны. Рабочий этого же комбината тов. *Кашин* имел заработок 180 рублей, подписался на 500 рублей. Экономист одного отдела завода №356 тов. *Никольская* подписалась на 150% к месячному заработку и здесь же сдала в фонд обороны облигации предыдущего займа на сумму 765 рублей и т.д.

Хотя и незначительно, но имеются в организациях факты, когда люди подписываются на сумму меньшую 3-х недельного заработка, например: электромонтер электроцеха Инструментального завода *Осипов* имел средний заработок 1300 рублей, подписался на 200 рублей, мотивируя, что у него семья в трех местах. Рабочий этого же цеха *Горкин* имел заработок 1000 рублей, подписался на 200 рублей [...]. Есть единичные факты возмутительного поведения отдельных граждан, например, комендант Шарташского дома отдыха *Исаков* имеет оклад 250 рублей, кроме того, зарабатывает на дому, являясь сапожником, - подписался на 125 рублей, а когда с ним начали разговаривать, то он заявил: «Нечего меня агитировать, мне некогда с Вами разговаривать», - махнул рукой и ушел, стукнув дверью.

В этом же доме отдыха огородник *Чеботаревский* имеет всех

членов семьи взрослых, которые работают, сам он зарабатывает 650 рублей, а подписался на 500 рублей, когда же с ним начали разговаривать, то он заявил: «Пусть больше подписываются те, кто получает в закрытых распределителях молоко и белые булки». При ознакомлении с Чеботаревским, оказалось, что до революции он был огородником у одного из князей.

Члены партии и руководящий состав организаций в абсолютном большинстве в подписке на заем являлись примером для коллектива. Например, член ВКП(б) тов. *Смирнова* (х/з «Автомат»), имея оклад 600 рублей, подписалась на 1200 рублей и т.д. Но тем не менее имеются и факты, когда членов партии пришлось уговаривать, а некоторые вели себя не по-партийному. Например, член ВКП(б) *Кутявин* (мельзавод №2) зарабатывает 510 рублей, подписался на 400 рублей, когда с ним стали разговаривать на эту тему, он нервозно заявил, «что сейчас сниму свою шкуру и Вам повешу». При разговоре с членом ВКП(б) тов. *Грединым* (телеграф) об увеличении суммы подписки свыше оклада, он заявил, что «хорошо рабочим завода подписываться выше своего заработка, так как они едят хлеб с маслом, а я за военный период масла не едал и выше оклада подписаться не могу» (5. С. 80-81).

В целом, безвозвратные изъятия в виде госзаймов и денежно-вещевых лотерей, рост объема налоговых отчислений более чем в 3 раза по сравнению с довоенным уровнем, взлет рыночных цен привели к тому, что реальная заработная плата в промышленности Среднего Урала к концу войны сократилась на 60%, а в аграрном секторе стоимость довоенного трудодня уменьшилась вдвое, составив в среднем ничтожную сумму 2 рубля, а некоторых колхозах – 6 копеек (7. С. 94).

Доминировавшие в сознании уральцев в годы войны представления о необходимости сплочения и напряжения всех сил для борьбы (на фронте и в тылу) с врагом, добросовестного труда, жертвенности, сочетались с представлениями о необходимости справедливого распределения дефицитных ресурсов и становились основой патриотичных моделей поведения, обеспечивших общую Победу.

Социальное пространство современной России фрагментировано по разным основаниям и критериям. Присущие ему степени свободы не коррелируются со столь же понятными критериями

справедливости. Ориентиры общей судьбы, которые были ясны поколениям людей, вынесшим тяжелейшие испытания войны, невянятно присутствуют в сегодняшних социальных практиках. Тем не менее, историческая память о Великой Отечественной войне, по-прежнему, является «точкой сбора» общества, одним из немногих возможных интеграторов ценностей, обеспечивающих созидательные социальные практики, а значит и достойное будущее России.

Источники:

1. Гольдштейн Я.Е. Откровенно говоря. Воспоминания, размышления. Челябинск: «Рифей», 1995. С. 134.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО).Ф.88-р. Оп. 1. Д. 5214.
3. ГАСО.Ф.88-р.Оп.1. Д. 5215.
4. Общество и власть. Российская провинция. Т. 2. 1941-1985. Пермский край. Документы и материалы. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008.
5. Общество и власть. Российская провинция. Т. 2. 1941-1985. Свердловская область. Документы и материалы. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006.

Литература:

6. Соловьева В.В. Государственное распределение продовольствия в СССР в 1941-1945 гг. (на примере промышленных предприятий Урала) // Уральский исторический вестник. 2009. № 3. С. 100-104.
7. Сперанский А.В. На войне, как на войне...Свердловская область в 1941-1945 гг. Екатеринбург: Издательство «Сократ», 2012.
8. Корнилов Г.Е. Колхозная торговля на Урале в условиях Великой Отечественной войны // Отечественная история. 1994. № 2. С. 186 – 193.
9. Кessler X., Корнилов Г.Е. Колхозная жизнь на Урале. 1935 – 1953. М.: РОССПЭН, 2006.